

ВРАТЬ И ОБМАНЫВАТЬ ПО-РУССКИ

Б. Ю. Норман

По-русски врать значит скорее нести лишнее, чем обманывать
Б. Пастернак. Охранная грамота

Ложь с некоторых пор стала объектом специальных лингвистических исследований. Я имею в виду не только ставшие уже классическими работы американца Дуайта Болинджера «Истина – проблема лингвистическая» (1973) и немца Харальда Вайнриха «Лингвистика лжи» (1966) – обе они опубликованы по-русски в одном и том же сборнике [Болинджер 1987; Вайнрих 1987], но и многочисленные статьи и диссертации последнего времени, посвященные обману, неискренности, скрытым смыслом, непрямым речевым актам, речевому манипулированию и демагогии и т.п. Многие из этих публикаций основываются на материале конкретных языков и оперируют конкретными фактами. Так, В. И. Шаховский, основываясь на материалах кандидатской диссертации Н. Н. Панченко, устанавливает в сферелжи превосходство английской лексики над русской. Протицирую:

«Русский и английский языки в этих номинациях различаются следующим образом: 252 номинации против 395, т. е. в английском языке номинации обмана более дифференцированы. Значит ли это, что в английской лингвокультуре ложь (обман) более изоощренная и больше распространена? Что, англичане больше притворяются (55 vs. 40 у русских), более активно и пассивно лгут (92 vs. 74 у русских), больше льстят (35 vs. 12 у русских), чаще действительно обманывают (138 vs. 106 у русских)? Статистика говорит сама за себя» [Шаховский 2005, 177].

Статистика сама по себе ни о чем не говорит. Между существенностью некоторого явления в культуре и степенью его словесной детализации (дифференциации) нет прямой связи. Скорее следовало бы сравниватьне количество словарных единиц в двух языках, а суммарную частоту их

употребления в текстах, да и то с поправкой на так называемые «языковые техники» – локутивные стандарты, обусловленные языковой конвенцией и правилами этикета.

Речь далее пойдет не столько о разновидностях обмана и его этических аспектах [см.: Егоров 2012], сколько о категориях грамматических. В частности, исследования последних десятилетий обнаруживают глубинную связь между лексическим значением слова и его грамматическим поведением. Я имею в виду, среди прочих, работы российских ученых Ю. Д. Апресяна, А. Л. Шарандина, О. Н. Ляшевской и др. Говорят даже, что грамматика «шифрует» лексику, т. е. придает каждому лексико-семантическому классу (или подклассу) определенный грамматический «шифр», подобный библиотечному шифру. Некоторые из таких грамматических характеристик попадают даже в словари. Так, если мы видим после заглавного слова помету «*мн.*» («множественное число») или «*безл.*» («безличный глагол»), то мы уже кое-что знаем о значении данного слова.

Особый вид связи между лексикой и грамматикой проявляется в глаголе (в силу его особой – организационной – роли в высказывании). Те позиции, которые открывает глагол для зависимых слов, или, говоря другими словами, тип его управления, непосредственно отражают структуру лексического значения главного слова. Если глагол – многозначный, то каждый лексико-семантический вариант имеет право на свой тип управления. Скажем, русский глагол *считать* употребляется в разных значениях, и каждое значение реализуется в своем синтаксическом контексте: а) «производить арифметические действия» (*Девочка хорошо считает; Петя считает до ста*), б) «подсчитывать, определять количество» (*считать деньги, считать присутствующих*), в) «полагать, иметь мнение» (*считать, что...*), г) «расценивать, трактовать» (*считать кого-то фантазером, считать что-то своим долгом...*).

С. М. Толстая в совсем недавней статье анализирует структуру многозначного глагола применительно к различным условиям: типу объекта, типу субъекта, свойствам самого предиката и т. д. Рассматривая примеры вроде *лечить больного* (человека), *лечить желудок* (орган), *лечить язву*

(болезнь), она задается справедливым вопросом: «Должны ли здесь быть признаны отдельными значения глагола лечить во всех трех случаях?» [Толстая 2015, 707]. И системный характер языка предполагает положительный ответ на подобный вопрос: лечить язву – значит ‘делать так, чтобы язвы не стало’; но лечить желудок – это ‘делать так, чтобы желудок перестал быть больным’ и т. д. Следовательно, не только форма, в которой стоит зависимое слово, но и его принадлежность к тому или иному лексико-семантическому классу способствует расщеплению лексического значения главного слова.

Перейду к лексемам, обозначенным в названии доклада. *Врать* и *обманывать* – синонимы к слову *лгать* [Словарь синонимов 1975]. Оставим в стороне другие члены синонимического ряда: *сочинять*, *брехать*, *заливать*, *травить* и т. п. Интересующие нас глаголы значат ‘говорить неправду, вводить в заблуждение’. При этом интенсивность действия, представленного в глаголе *врать*, сильнее, чем тот же признак в глаголе *обманывать*. Носитель языка интуитивно ощущает, что *врать* — «грубее», с этим связаны и стилистические особенности употребления данных слов. В словаре *врать* не случайно имеет помету «разг.». Один пример из литературы. Разговаривают три женщины, представительницы трех поколений: пожилая женщина (свекровь), ее невестка и девушка Ирина, дочь невестки. Бабка говорит:

– Я с тобой не желаю разговаривать. Матери объясняю, пусть голову ломает, как с тобой быть.

– Ах, не желаешь? Ничего я у тебя не требовала.

– Ирина, не огрызайся. Пойди в комнату, дай нам поговорить.

– Ага, я пойду, а она тут будет *врать*...

– Слышите? «Она», «*врать*»... (Ю. Трифонов. Другая жизнь).

Здесь *врать* воспринимается так же оскорбительно, как и употребление 3-го лица по отношению к присутствующему при разговоре человеку.

Нетрудно также выяснить, что глагол *врать* – более употребительный, чем *обманывать* (по Словарю под ред. Л. Н. Засориной, их частота равна соответственно 79 и 32, см.: Частотный словарь 1977; примерно таково же соотно-

шение частот этих слов в Новом частотном словаре О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова – см.: www.dict.ruslang.ru/freq.php).

Вот это те метаязыковые сведения, которые содержатся в голове у носителя языка. Впрочем, еще одно языковое обстоятельство, возможно, не проходит мимо внимания говорящего. *Обманывают кого*, а врут *кому*. Иными словами, у *обманывать* есть прямой объект, в то время как у *врать* есть адресат. Существенно ли это различие для понимания значений данных глаголов?

Функционально ориентированная грамматика устанавливает некоторую иерархию зависимых от предиката актантов. Однако эта иерархия имеет смысл только при содержательном наполнении тех или иных формальных категорий. Так, по Т. Гивону, грамматический объект в английском языке может выражать одну из следующих семантических ролей: пациент состояния, пациент изменения, аблатив, аллатив, ингрессив, датив, бенефактив [Givón 1997, 3]. Учет семантических ролей особенно важен при сопоставлении материала родственных языков. Так, русское словосочетание *благодарить соседа* и белорусское *дзякаваць суседу* функционально тождественны, и говорить тут о разной «степени» или разной «силе» транзитивности [ср.: Джустини-Фичи 1990, 262–267] не приходится. Соответственно, и семантическое различие между *врать* и *обманывать* невозможно свести к различию в управляемых формах – дательного и винительного падежей: это – языковая «техника».

Может быть, тогда стоит учесть побочные факторы – такие, как цель или способ обмана? Немецкая исследовательница Сабине Дённингхаус проанализировала большую группу русских «глаголов лжи» (*обманывать*₁, *обманывать*₂, *изменять*, *лгать*, *врать*₁, *врать*₂ (*клеветать*), *врать*₃ (*фальшивить*), *клеветать*, *брехать*, *выдумывать*, *вуалировать*, *туманить*, *камуфлировать*) и др. Она использовала при этом целый набор семантических признаков — таких, как участие социального момента, инструментальность, отклонение от нормы, экспрессивная оценка и т. п. [Dönnninghaus 1999, 143–144]. В результате получилась весьма сложная картина, которую можно истолковать как **семантическое поле лжи**, с четырьмя субполями: дезин-

формации, дезориентации, обмана как такового и ошибки. Внутри каждого из них, в свою очередь, выделяются более частные темы, вроде «искажать», «клеветать», «фантазировать», «симулировать» и т. п., представленные разными частями речи. Однако вся эта подробная классификация совершается в рамках чисто семасиологического анализа; синтаксические признаки данного класса слов остаются «за кадром».

Иные дискурсивные признаки ситуации обмана – цель, способ, использование «хитрых приемов и уловок», оценка со стороны наблюдателя и т. п. – учитываются уральской исследовательницей А. М. Плотниковой, которая реконструирует подробный **«когнитивный сценарий обмана»** [Плотникова 2006, 75–79]. И опять-таки можно предположить, что данные значения так или иначе должны найти свое выражение в тексте – через совокупность синтаксических признаков. Эта мысль подтверждается приводимыми исследовательницей примерами. В частности, следующая цитата из романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» содержит в себе указание на то, что ситуация обмана может включать в себя инструмент:

В Петербурге он, разумеется, скоро бы ее отыскал, под каким бы именем она ни воротилась в Россию; да дело в том, что заграничные **его агенты его ложным свидетельством обманули**: уверили его, что она живет в одном каком-то заброшенном городишке в южной Германии...

Здесь *ложное свидетельство* – инструмент, средство обмана, подчеркивающий намеренный характер последнего. Оказывается, разница между *обманывать* и *врать* не только в том, что обманывают кого-то, а врут кому-то. Обманывать можно **чем-то** (с помощью чего-то), в то время как «врать чем-то» нельзя.

Кроме того, ситуация обмана предполагает некоторую **цель**, в то время как *врать* можно и без цели – «ради красного словца».

В рассказе детского писателя Н. Носова «Фантазеры» два мальчика похваляются друг перед другом вымышленными подвигами: один рассказывает, что мог переплыть море, а другой – что умел летать... По сути, они состязаются в сво-

их способностях фантазирования. И вот тут приходит третий мальчик и говорит:

– Вот врут-то! И вам не стыдно?

И далее следует совершенно замечательная фраза:

– Мы же никого не обманываем, – сказал Стасик. – Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

Действительно, мальчики **врут**, но никого **не обманывают**. Они не преследуют никакой особой цели, вранье для них лишь средство самореализации. Зато третий мальчик вносит свою лепту в трактовку вопроса.

– Вот вы всё врете, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза. <...> Вчера вечером мама и папа ушли, а мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?» Я говорю: «Ира»...

Далее по тексту рассказа первые два мальчика осуждают третьего. И, при всей наивности сюжета, «положительных» героев можно понять: они бескорыстно ввали, в то время как третий мальчик совершил проступок: обманул и мать, и сестру.

Таким образом, ситуация, описываемая с помощью предиката *врать*, оказывается относительно более простой по сравнению с ситуацией, регламентируемой предикатом *обманывать*: в последнем случае возможен инструмент и предполагается цель обмана.

Обратимся в связи с этим к Экспериментальному словарю «Русские глагольные предложения» под редакцией Л. Г. Бабенко. И вот тут нас ждет небольшое открытие. Словарь разносит глаголы *врать* и *обманывать* по разным синтаксическим моделям! Типовая семантика первой из них – «Человек сообщает адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т. п.) о ком-, чем-л.» [Русские глагольные предложения 2002, 195]. Семантика второй описывается следующим образом: «Человек ведет себя каким-л. образом, поступает как-л., совершает какие-л. поступки» (Там же, 235). Спросим себя: достаточно ли разграничены в словаре эти два типовых значения? И применимо ли данное различие к интересующим нас глаголам?

Действительно, *врать* – преимущественно речевое действие, в то время как *обманывать* можно и поступками, поведением. Они относятся к разным типам предикатов. Но обратим внимание также на особенности синтаксического поведения данных глаголов. В структуру значения *обманывать* встроена информация о наличии у действия объекта – это человек, которого обманывают. По данным Национального корпуса русского языка, из 5238 вхождений на этот глагол примерно половина – 2327 примеров (44,4 %) – содержат дополнение *кого-что*. А глагол *врать* концентрирует внимание носителя языка на самом факте лжи, выводя из поля зрения человека, который становится объектом (или адресатом) этой манипуляции. Статистика показывает (см. диаграмму): из 10321 вхождений на глагол *врать* только 339 (3,3 %) реализуют валентность с дательным падежом: *врать кому* (кстати, дательный падеж – вообще самый редкий в системе русских падежей). Сравним естественное: *Что ты врешь?* и маловероятное *Что ты обманываешь?* – при соответствующем интуитивной норме *Что ты меня обманываешь?* [см.: Норман, Мухин 2016, 8–9].

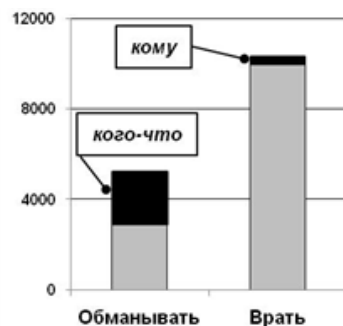

Диаграмма 1. Употребление глаголов *обманывать* и *врать* с актантами в Национальном корпусе русского языка.

Получается, *врать* – более или менее «самодостаточное» действие, характеризующее субъект, в то время как *обманывать* обозначает отношения между людьми (а точнее, воздействие на другого человека). Таким образом, слова, традиционно считающиеся синонимами, занимают разное место в структуре лексикона. И обнару-

живаем мы это благодаря учету синтаксического поведения данных глаголов.

В последние десятилетия популярным становится изучение так называемых «грамматических профилей слова». Этому помогают данные морфологически размеченных корпусов. В частности, С. Грис и Д. Дивьяк показали, как совокупности часто употребляемых форм слова («профили поведения») можно использовать при разграничении значений полисемичного глагола, при описании групп синонимов и т. п. Было выявлено, что семантические различия между глаголами, входящими в класс со значением «пытаться», подтверждаются статистическим распределением форм вида, времени, наклонения, а также сочетаемостью с одушевленным или неодушевленным субъектом, сочетаемостью инфинитива с отрицанием и т. п. [Gries, Divjak 2009, 71–72]. Особенности поведения глаголов в русских текстах посвящена и статья Л. Янды и О. Ляшевской [Janda, Lyashevskaya 2011]. Комбинации «реальных» грамматических значений позволили авторам выделить узкие лексико-семантические подгруппы глаголов – такие, как «вежливая просьба о помощи» или «изменение параметра».

Действительно, русский глагол, с его богатой словоизменной парадигмой, позволяет максимально наглядно продемонстрировать внутреннюю связь лексической семантики слова и его грамматического «профиля». Но не меньшее значение для семасиологических исследований (особенно в области глагольной лексики) имеет и учет синтаксического окружения. Различия в управлении – надежный сигнализатор различий в лексической семантике (в том числе в рамках многозначных лексем).

Литература

1. Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 23–43.
2. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 44–87.
3. Джустини-Фичи, Ф. Объект и транзитивность / Ф. Джустини-Фичи // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 259–270.

4. Егоров, Б. Ф. Обман в русской культуре / Б. Ф. Егоров. – СПб., 2012.

5. Ляшевская, О. Н. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевский, С. А. Шаров. – Режим доступа: www.dict.ruslang.ru/freq.php.

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

7. Норман, Б. Ю. О синтаксическом компоненте лексической семантики / Б. Ю. Норман, М. Ю. Мухин // *Slavistična Revija* 64. – 2016. – Št. 1. – S. 1–12.

8. Плотникова, А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 2006.

9. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л. Г. Бабенко. – М., 2002.

10. Словарь синонимов: справ. пособие / ред. А. П. Евгеньева. – Ленинград, 1975.

11. Толстая, С. М. Тип субъекта и многозначность глагола / С. М. Толстая // *Inside the space of Slavic linguistics*. В пространстве лингвистической славистики: сб. науч. ст. в честь 65-летия акад. П. Пипера. – Белград, 2015. – С. 705–725.

12. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М., 1977.

13. Шаховский, В. И. Человек агущий в реальной и художественной коммуникации / В. И. Шаховский // *Человек в коммуникации: аспекты исследований*. – Волгоград, 2005. – С. 173–204.

14. Dönninghaus, S. Sprache und Täuschung. Ein Beitrag zur lexikalischen Semantik des Russischen unter Berücksichtigung kognitions theoretischer Überlegungen. – Wiesbaden, 1999.

15. Givón, T. Grammatical Relations: An Introduction // *Grammatical Relations: A Functionalist Perspective* / Ed. by T. Givón. Amsterdam. – Philadelphia, 1997. – P. 1–84.

16. Gries, S. Th. Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis / Th. S. Gries, D. Divjak // *New Directions in Cognitive Linguistics* / ed. by V. Evans and S. Pourcel. – John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 57–75.

17. Janda, L. A. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian / L. A. Janda, O. Lyashevskaya // *Cognitive Linguistics*. – 22. (2011). – № 4. – P. 719–763.

ОБРАЗ ВОЛИ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Пайдзинска

Воля – способность или стремление человека принимать решения и прилагать определенные усилия для реализации своих намерений, а также для выбора одних установок и отказа от других – является одним из качеств, отличающих человека от других живых существ. Ее можно признавать выражением человеческой самоидентификации: то, чего человек желает и на что он решается (иногда вопреки своим желаниям), определяет, кем и каким является он сам, так как в желаниях и обусловленных ими решениях и действиях выявляется его «я», и одновременно создается и обогащается его индивидуальность. В общественной жизни воля является механизмом, устанавливающим и регулирующим отношения между людьми. Кроме того, в нашем культурном круге воля приписывается Богу и общеизвестно, что это понятие имеет большое значение в религиозной сфере. Все это указывает то, что воля является категорией, интересующей не только философов, психологов и теологов, но и обычных людей, чья активность в познании мира отражается в языке.

Исходя из положения, что каждый язык выражает специфический для данной культуры способ видения мира и предпочтения человека, принадлежащего данной культуре, в докладе предпринимается попытка реконструкции представлений о данной категории, бытующих в польском языке. Волевитивность присуща множеству проявлений сознательной человеческой активности, что, конечно же, отражается в семантических структурах их наименований. Среди таких проявлений мы можем выделить: наименования действий мотивированных волей (*dażyć do*, <стремиться к...>, *starać się, żeby...* <стараться, чтобы...> и т. д.), наименования состояний воли, которые могут повлиять на будущее состояние вещей (например, *chcieć* <хотеть>, *pragnąć* <желать>), лексические единицы, обозначающие волевитивно-интеллектуальное состояние, которому предшествовало принятое решение (*zamierzać*, <намереваться>, *mieć zamiar*, <иметь